

В мировой историографии сохраняется интерес к Луцию Корнелию Сулле, что и не удивительно – это была одна из самых ярких личностей того времени, по масштабу вполне сопоставимая с Цезарем. Каковы же взгляды историков на «проблему Суллы» в начале нынешнего века?

В 2002 г. увидела свет книга К. Криста. Карьера одного римлянина¹. Автор отмечает, что личность диктатора в силу совершенных им злодеяний «не могла вызывать симпатий ни в античности, ни в новое время. Имя Суллы стало скорее олицетворением жестокости и бесчеловечности. С ужасом отворачивались от него как его, так и наши современники» (с. 9). Говоря о начальном этапе жизни будущего диктатора, ученый отмечает, что о его отце практически ничего не известно (с. 54). Между тем следовало бы упомянуть о весьма правдоподобной гипотезе Ф. Инара, считающего на основании одного сообщения Аппиана (Mithr. 54. 216), что родитель Суллы был наместником Азии². К Марию Сулла, по мнению Криста, попал по жребию (с. 62), однако не менее вероятно, что это было его собственным решением³, особенно если верна гипотеза о браке будущего диктатора с Юлией, а не Илией, как говорится у Плутарха, – с Юлиями же, как известно, через жену был связан и Марий (Sulla. 6. 20)⁴. Крист слишком уж доверчиво следует рассказу Саллюстия о миссии Суллы к Бокху, говоря о «тяжелых переговорах» с последним, хотя вопрос о выдаче Югурты решился еще до отъезда Луция Корнелия к мавретанскому царю⁵. В ходе войны с германцами успехи Суллы под командованием самого Мариа в 104–103 гг., отмечает автор, оказались более внушительными, чем во время службы в войске Катугла в 102–101 гг.; будущий диктатор немало сделал для снабжения армии, но при этом нес долю ответственности за отступление легионов Катугла на севере Италии. Не сыграв особой роли в достижении решающего успеха, в то же время он искажал в мемуарах события, приукрашивая собственные деяния и клеветая на Мариа (с. 68). В оценке записок Суллы Крист, вероятно, прав, а вот относительно его ответственности за неудачи Катугла у нас сведений нет. Если же говорить о роли Суллы в достижении решающего успеха, то не менее вероятно, что армия Катугла выдержала натиск кимбров при Верцеллах во многом благодаря его усилиям⁶.

Крист принимает наиболее вероятную хронологию карьеры Суллы в 90-х годах – претур в 97 г. и возвращение в Рим лишь в 92 г., что снимает многие хронологические противоречия (с. 72–74)⁷. Говоря об участии Суллы в Союзнической войне, автор отмечает особую важность поведения полководца после убийства воинами легата Альбина, на которое Луций Корнелий, в сущности, закрыл глаза – тем самым был явлен новый способ руководства военной клиентелой. Это, по мнению Криста, сыграло решающую роль в поведении легионов Суллы в 88 г., когда они без колебаний поддержали его в борьбе с Марием и двинулись на Рим (с. 76–77). Говоря о Первой Митридатовой войне, автор отмечает, что Сулла закончил ее вполне приемлемым для понтийского царя миром из-за стремления как можно скорее вернуться в Рим и расправиться со своими врагами, а борьба с Митридатом на территории Понта «до победного конца» отняла бы у него слишком много времени и сил (с. 91–92).

Что же касается реформ Суллы после победы в гражданской войне, то речь шла об очень редком в истории римской конституции случае, когда была предпринята попытка в короткий срок создать новую целостную структуру. Во многом мероприятия Суллы, как показал в свое время Э. Габба, напоминают реформы Друза. Главное место отводилось сенату. В отношении всадников проводилась линия на постепенное включение их в правящий слой, многих ввели в сенат, но высшая власть должна была оставаться в руках старых сенаторских фамилий. Двойственной была и политика в отношении плебса. С одной стороны, прекратились хлебные раздачи, с другой – неверно думать, что «Сулла проводил последовательную политику, направленную против римского народа с целью подчинения его институтов. Это следует прежде всего из того, что он не раз выступал перед римским народным собранием, стремясь обеспечить своей политике его поддержку или, по меньшей мере, понимание». Сулла не стремился лишить трибунат его веса – речь шла о том, чтобы теснее привязать его к сенату

* Авторы выражают благодарность Р.В. Лапырёнку и В.А. Леусу, предоставившим в их распоряжение часть рассматриваемых ниже материалов.

¹ Christ K. Sulla. Eine römische Karriere. München, 2002. 236 S.

² Инар Ф. Сулла. Ростов-на-Дону, 1997. С. 21. (К сожалению, нам оказалось недоступным оригинальное издание: Hinard F. Sylla. P., 1985.)

³ Carcopino J. Sylla, ou la monarchie manquée. P., 1947. P. 22–23.

⁴ Keaveney A. Young Sulla and the *decem stipendia* // RFIC. 1980. 108. 2. P. 169. Not. 4.

⁵ Schur W. Sallust als Historiker. Stuttgart, 1934. S. 129–130.

⁶ Baker G.P. Sulla the Fortunate. The Great Dictator. N.Y., 1967. P. 129.

⁷ Об этой гипотезе см. Cagniart P.F. L. Cornelius Sulla in the Nineties: A Reassessment // Latomus. 1991. 50. P. 285–303.

и тем самым поставить под контроль (но что тогда, заметим, оставалось от сущности трибуната?). Таким образом, диктатор не выступал в качестве протагониста какого-либо социального слоя или группировки, сохраняя дистанцию по отношению к таковым, в том числе и к аристократии (с. 123–130). Но это не значит, что Сулла заботился об общем благе, ибо действовал он исключительно в собственных интересах и интересах своего войска, хотя в итоге и «оказался умелым охранителем и обновителем традиционных общественных и государственных структур» (с. 210–211).

Однако расчеты диктатора на их обновление и дальнейшее безраздельное господство оказались неверными: во-первых, римская держава в I в. до н.э. уже не могла существовать в рамках полисных структур, а, во-вторых, Сулла исходил из ошибочной оценки правящего слоя Рима. Его представители давно показали, что им не присущи сплоченность и цельность сенаторов классической Республики» (с. 132). «Отставку» Суллы автор склонен объяснять ослаблением его власти – даже сторонники диктатора уже не повиновались ему, как прежде (с. 134).

Пример Суллы оказался «заразительным» – от Цицерона мы узнаем о возникновении глагола *sullaturire*, а также весьма характерном суждении Помпея: *Sulla potuit, ego non potero?* (Ad Att. IX. 10. 2, 6). И хотя важнейшие элементы сулланской конституции удивительно быстро исчезли и в 40-х годах вспоминали лишь о диктатуре и проскрипциях, многое сохранилось – порядок занятия магистратур (*cursus honorum*), новая организация жреческих коллегий, провинциального управления, итальянских структур и т.д. Тень Суллы легла на всю последующую эпоху, как бы ни пытались Цезарь и Август дистанцироваться от него. Жестокость диктатора претила потомкам, и лишь Септимий Север одобрял такое обращение с врагами. Не вспомнили о Сулле и тогда, когда сложил с себя власть Диоклетиан (с. 154–155, 211).

«Этот человек пережил и преодолел тяжелейшие жизненные кризисы, смертельно опасные ситуации, отчаяние от казавшихся столь угрожающими поражений и катастроф. Отсюда, однако, простекала в конечном счете его жестокая решимость не только победить врагов, но и уничтожить их. При любой оценке поведения Суллы нужно учитывать, что его важнейшие решения определялись не его волей и инициативой, а оказывались реакцией на постоянно изменявшуюся ситуацию» (с. 198). В принципе спорить с такой оценкой не приходится, но следует подчеркнуть экстремистский характер этих решений – марша на Рим в 88 г., проскрипций, земельных конфискаций, приведших к обострению социальных и политических проблем. В целом книга Криста представляется более объективной, чем апологетические работы А. Кивни и Ф. Инара о Сулле, увидевшие свет в 1980-х годах, но для изучения деятельности последнего она дает совсем немного.

Заметное место рассматриваемой теме уделено и в монографии отечественного историка Н.В. Чекановой⁸. В начале главы о диктатуре Суллы дается краткий очерк карьеры последнего до 88 г., – к сожалению, исполненный ошибок. Так, говорится, что уже во время Югуртинской войны Суллу прозвали польвовым, пролузинией, хотя Плутарх, приписывающий эти слова Карбону, относит их к 83–82 гг. (Sulla. 28. 6). В ходе Союзнической войны будущий диктатор будто бы взял штурмом два лагеря самнитов, в том числе Бовиан, который, однако, был не лагерем, а городом (с. 160). Но даже после этих успехов Сулла «по-прежнему не пользовался безусловным авторитетом» и проиграл преторские выборы, которые, как признает сама Чеканова, произошли еще до Союзнической войны, в связи с чем «по-прежнему» звучит неуместно. Его политические успехи автор связывает с поддержкой Катуты, при котором-де Сулла, по словам Плутарха (Sulla. 4.4) «вошел в силу» (с. 161). Однако это, как с очевидностью следует из контекста, касается положения Луция Корнелия в армии Катуты⁹, а не его последующей карьеры. Странно звучит и утверждение, будто «до 88 г. биография Суллы складывалась традиционно», хотя сама же Чеканова указывает, что он стал консулом в 50 лет (с. 161), т.е. на семь лет позже *suo anno*. На с. 164 мы читаем, что после того, как Сулле лишили командования в войне с Митридатом в пользу Марии – давнего «военного (sic!) и политического противника», он не смог принять «новые правила политической игры» (с. 164–165). Отнюдь: будущий диктатор, можно сказать, придал обновлению этих правил дополнительный импульс, взяв Рим.

Законодательство Суллы 88 г. автор рассматривает как «ответ на требования политического момента и самым общим наброском программы возможных в будущем преобразований» (с. 171). По ее мнению, он укрепил власть сената, но скорее деструктивными, а не конструктивными методами: ослаблением власти трибунов и ограничением полномочий трибунных комитий, часть полномочий которых перешла к центуриатным. Кроме того, «политический террор был возведен в статус государственной политики», коль скоро расправа с марианцами получила законодательное оформление (с. 167). Думается, что последнее произошло еще раньше, в 121 г., когда *senatusconsultus ultimum*

⁸ Чеканова Н.В. Римская диктатура последнего века Республики. СПб., 2005. С. 157–254.

⁹ См. Baker. Op. cit. P. 122; Keaveney A. Sulla. The Last Republican. London – Canberra, 1982. P. 32–33.

предоставил консулам чрезвычайные полномочия. То же имело место и в 100 г. И людей в обоих случаях погибло немало. Конечно, законность подобных мер не совсем очевидна, но то же можно сказать и о событиях 88 г. Не вполне ясна позиция Чекановой в отношении реформы комиций: на с. 194 она пишет, что к реформе центуриатных комиций, предпринятой в 88 г., позже не возвращались, а на с. 191 г. предполагает, что Сулла восстановил *все* законы 88 г. (курсив наш. – Авт.).

Характеризуя реформы диктатора, Н.В. Чеканова пишет: «Попытка Суллы реставрировать римскую сенатскую республику опиралась на такой важный имперский принцип, как консолидация римского гражданства вокруг сильной власти сената на основах традиционных добродетелей» (с. 200). Неясно, что означает в данном случае термин «имперский» – к империи вообще власть сената отношения не имеет, а при римской империи сенат сложно считать стержнем власти. И уж совсем неудачной представляется и характеристика «конституции» Суллы не просто как контрреформы, а контрреформации (с. 211) – этот термин имеет конкретно-историческое значение, и вряд ли правильно попытаться обозначать им события I в. до н.э. в Риме. (В своей докторской диссертации Чеканова от этого термина отказалась.)

Если говорить о характеристике конкретных реформ, то почти ничего нового мы в книге не найдем, хотя временами автор пытается выйти за рамки общепринятых мнений, но вопрос: насколько обоснованы ее собственные суждения. Так, она утверждает, что *lex annalis* в сулланской редакции имел реформаторское, а не реставраторское значение, поскольку отныне *cursus honorum* начинался не с эдилитета, а с квестуры, что открывало путь к власти не только нобилим, но и представителям средних слоев римского общества. К тому же, утрачивая сословное единство, «сенат все более нуждался в организующей и направляющей его политику силе», что усиливало монархические (? – Авт.) тенденции среди *patres* (с. 188). Однако квесторы и раньше попадали в сенат, – правда, не сразу по отбытии должности, а при следующем цензе (что Сулла и отменил)¹⁰, но это принципиального значения не имело. Не приходится говорить и об утрате сословного единства: сенаторы оставались единым сословием, и попадать в его состав по-прежнему могли только всадники. Люди же более скромного происхождения, введенные в сенат Суллой, не играли сколь-либо серьезной роли, ибо главенствовали в сенате по-прежнему, как известно, консуляры¹¹, в число которых путь им был закрыт. Наконец, вряд ли верно говорить о потребности сенаторов в «организующей и направляющей его политику силе» – рядовые *patres* в любом случае примыкали к той или иной группировке, а знатнейшие из их числа ни в какой силе такого рода не нуждались, что и показала борьба против Цезаря.

Чеканова пишет, что Сулла опирался на армию при осуществлении проскрипций (с. 247). Разумеется, без нее не только террор, но и прочие мероприятия диктатора, и само его господство были бы невозможны, но при уничтожении проскриптов легионеры играли роль скорее наблюдателей, чем активных участников – недаром Аппиан (BC. I. 95. 444) пишет о «сыщиках» (ζητηταί). С армией Суллы связано и еще одно спорное утверждение: Ливию приписывается сообщение о расселении диктатором 27 легионов, тогда как у него говорится о 47 легионах (Per. 89). Автор следует русскому переводу¹², не приводя иных трактовок этого явно ошибочного сообщения Ливия¹³. И уж совсем непостижимой ошибкой является утверждение, что «разорившиеся ветераны Суллы составили основу сторонников Лепиды (sic!) в 77 г.» (с. 204, со ссылкой на работы Х. Ласта, Л. Парети, О.С. Метушевой), где ничего подобного, разумеется, не говорится).

Вряд ли верно и то, что Сулла отменил откупную систему, что рассматривается как мера, направленная против всадничества (с. 197–198). При этом среди прочего дается ошибочная ссылка на работу П.А. Бранта, который как раз показывает, что действие системы откупов было приостановлено лишь на время гражданской войны по политическим причинам¹⁴. Увы, приходится признать, что книга Н.В. Чекановой не только ничего не дает для изучения сулланской проблематики, воспроизводит зачастую устаревшие трактовки, но и изобилует фактическими ошибками¹⁵.

Проблемы, связанные с историей диктатуры Суллы, рассматриваются в диссертации А.В. Ереми-

¹⁰ Seager R. Sulla // CAH². Vol. IX. Cambr., 1994. P. 201.

¹¹ Hawthorn J.R. The Senat After Sulla // Greece and Rome. 2 Ser. 1962. 9. P. 54.

¹² Ливий Тит. История Рима от основания Города. Т. III. М., 1993. С. 582.

¹³ См. Короленков А.А., Смыков Е.В. Сулла. М., 2007. С. 422. Прим. 52.

¹⁴ Brunt P.A. Sulla and the Asian Publicans // Latomus. 1956. 15. P. 18.

¹⁵ В книге немало и других ошибок, помимо упомянутых: встречаются неверные переводы с латинского (с. 306–307, 371, 403); Цицерону приписано авторство известной фразы Цезаря о милосердии как новом способе укрепления своего положения (с. 310 – к тому же дана неточная ссылка на источник: Cic. Ad Att. IX. 7. 1–2 вместо IX. 7с. 1); утверждается, будто Сертория из Испании в 81 г. изгнал Метелл Пий (с. 176), хотя на деле это осуществил Анний Луск (Plut. Sert. 7. 1–4), и т.п.

на¹⁶. В ней отмечается, что Сулла пришел к власти *de facto* после разгрома в ходе гражданской войны марианцев, и хотя его избрание диктатором прошло с соблюдением юридических формальностей, все участники процедуры являлись исполнителями воли победителя. Власть его была неограниченной, сенат, комиции и магистраты не обладали самостоятельностью. На основании данных надписей Еремин полагает, что Сулла совмещал в 80 г. должности диктатора и консула. В целом автор не считает диктатуру Суллы «изобретением» или своеобразным восстановлением старой диктатуры, а была «всего лишь новым сочетанием старого» (с. 11–12)¹⁷. Однако последнее, как представляется, и являет собой то принципиально новое, что делает неуместным выражение «всего лишь».

Автор утверждает, что после отставки Сулла полностью не ушел из политики, сохранял на нее влияние и даже управлял назначенной ему в качестве провинции Цизальпинской Галлией, – последнее, впрочем, очень сомнительно, ибо Граний Лициниан (32F) сообщает лишь о назначении Суллы провинции, а не о том, что он приступил к исполнению обязанностей наместника или хотя бы отправил туда легатов; сам он там, очевидно, не появился¹⁸. Отмечается, что в пропаганде использовались как традиционные (триумф, цирковые игры, перенесение померия, ремонт и строительство храмов), так и новые методы – принятие прозвища *Felix* (на Востоке – Эпафродит), чеканка золотой монеты, акцент на особых отношениях с богами. Придание образу Суллы черт нового Ромула, как и перечисленные меры, имело целью внушить мысль о начале новой эры в истории Рима (с. 13). Уточним, что перенесение померия, по сути, также стояло в ряду новых методов, поскольку прежде это делал лишь легендарный Сервий Туллий (Gell. XIII. 14. 4), так что беспрецедентность данной меры очевидна.

При всем своем консерватизме реформы государственного управления включали в себя элементы модернизации. То, что они затронули прежде всего полномочия цензоров, консулов и плебейских трибунов, объясняется потенциальной опасностью этих магистратур для сената. Для реформ государственного управления характерна всеохватность, четкость разграничения центрального и провинциального управления (с. 15–17). Отмечается, что хотя сами по себе реформы Суллы усиливали власть сената, методы их проведения отчасти способствовали его ослаблению. Двойственной была и политика диктатора в отношении всадников: он ослабил их политические позиции, но сохранил экономические. Что же касается плебса, то последний не проявил особой активности в ходе гражданской войны (это не совсем так – в 87 г. он сыграл немалую роль в разгроме отрядов Цинны на улицах Рима), и Сулла решил ослабить позиции плебса в будущем, лишив его хлебных раздач и урезав права трибунов. В целом же «решение социальных проблем диктатор видел не в закреплении существующего или конституировании нового социального порядка, а в восстановлении прежнего аристократического Рима дограхманского времени. Вместе с тем точной реставрации (*sic!* – *Авт.*) последнего не произошло» – Сулла согласился закрепить римское гражданство за италийцами, да и необходимость лучшего функционирования аристократического общества, как отмечает автор, требовала новшеств (с. 17–19).

Еремин указывает на незначительную политическую активность армии – ни одна из мер Суллы не указывала на особые политические требования военных, а сама диктатура была традиционным авторитарным правлением, армия была возвращена в структуру государства, программа колонизации позволила решать вопросы военного и социального характера (с. 19–20). Что касается сулланского террора, то он, по мнению Еремина, сыграл свою роль в умиротворении Италии. Автор видит в нем прежде всего политический инструмент, отвергает точку зрения о его социальной направленности и не считает, что это был способ обогащения (с. 15). Относительно социальной направленности проскрипций Еремин, видимо, прав, а вот обогащению их участников они, несомненно, способствовали, и тезису о политическом характере террора это не противоречит. Случай с Росцием Америкским показывает, что политические взгляды убитых иногда вообще не имели значения.

Некоторые суждения автора (прежде всего о социальной политике Суллы) весьма интересны. Однако он делает, пожалуй, чрезмерный акцент на том, что деятельность Суллы способствовала решению стоявших перед Римом задач. Во многом это так, но не следует забывать, что в не меньшей степени она породила новые трудности – достаточно вспомнить вспыхнувшее уже в 78 г. восстание в Фезулах, переросшее в *tumultus Lepidi*.

¹⁶ Еремин А.В. Диктатура Суллы (социально-политические и правовые основания сулланского режима): Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2003.

¹⁷ Также см.: *он же*. Диктатура Луция Корнелия Суллы: характеристика института // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 115–124.

¹⁸ Keaveney. Sulla. P. 200 (с указанием литературы).

Представляет интерес статья Еремина о проблеме сенатской оппозиции при Сулле¹⁹. Тезис о ее существовании отвергается, как и мысль о том, что оппозиция в собственном окружении вынудила диктатора сложить полномочия. Ни дело Росция, ни избрание Лепида, ни иные факты для этого оснований не дают: с фамилиями, связанными с процессом Росция, Сулла и тогда, и потом поддерживал хорошие отношения, а оппозиционность Лепида проявилась лишь после смерти диктатора – при Сулле он вряд ли позволил бы себе то, что делал после его смерти. В целом соглашаясь с этими доводами, мы хотели бы уточнить одно обстоятельство: то, что Сулла сохранял с фамилиями, вставшими на защиту Росция, хорошие отношения, говорит не о полном отсутствии оппозиции с их стороны, а о ее умеренном характере – диктатор, видимо, просто решил не раздувать скандал. Нельзя согласиться и с тем, будто в речи «В защиту Росция» Цицерон вряд ли мог позволить себе иронизировать над Суллой: в научной литературе не раз убедительно доказывалось, что оратор это себе все-таки позволял²⁰, и автору следовало бы аргументированно опровергнуть соответствующие мнения.

В статье о проскрипциях²¹ Еремин отвергает версию Плутарха (Sulla. 31. 1–6), у которого введение их как меры, ограничивавшей террор, приписывается группе аристократов. Предпочтение отдается мнению Аппиана (BC. I. 95. 441–442), связывающего их начало с личностью Суллы, но отмечается, что в обоих случаях диктатор предстает как отрицательная фигура. Автор датирует введение проскрипций 3 ноября, указывая, что сенат отклонил предложение Суллы, и он провел соответствующее решение через комиции как проконсульский эдикт и позднее как диктаторский закон. Еремин отмечает определенное сходство эдикта о проскрипциях с объявлением в 88 г. врагами Мария, Сулпиция и их сторонников. Важным новшеством стало распространение репрессий на детей проскриптов. Он согласен с Инаром в том, что прямо о смертной казни в эдикте речи не шло, но создавались условия, которые способствовали уничтожению опальных (это позволяло избежать процедурных затруднений, связанных с осуждением на смерть римских граждан). Еремин предполагает, что впервые репрессии были применены в качестве возмездия проигравшей стороне, хотя сам же указывает на расправу с 3000 сторонников Гая Гракха и отмечает, что массовый характер сулланского террора не был для Рима в новинку. Важно указать, что эти 3000 человек погибли не от меча – в боях пало лишь 250 человек, а стали жертвами чрезвычайных судов (Oros. V. 12. 10). Так что говорить о приоритете Суллы здесь не приходится.

Расхождение в числе жертв проскрипций Еремин объясняет тем, что одни авторы называют тех, кто погиб в Риме, а другие – в Риме и Италии. При этом автор допускает досадную ошибку, приписывая Ливию сведения о 3500 проскриптов (Per. 89), что стало результатом использования неверного перевода²² – в подлиннике говорится о выручке за проданное имущество (*redactum est sestertium ter milies quingenties*). В целом же Еремин видит в проскрипциях эффективный метод расправы с «нежелательными элементами» и устранения опасности пересмотра итогов террора. Однако умалчивается о политической напряженности, которую вызывал последующие 30 лет вопрос о детях проскриптов.

К сулланской тематике вновь обратился А.Б. Егоров²³. В статье 2003 г. петербургский историк провел сравнительный анализ диктатур Суллы и Цезаря²⁴. Указывается, что эти деятели пришли к власти разными путями – первый прославился исключительно на военном поприще, второй до завоевания Галлии долгое время занимался политическими интригами. Карьера Цезаря носила традиционный для нобилей характер, он добился побед на всех выборах, от квесторских до консульских, тогда как Сулла не с первого раза добился претуры и лишь в 50 лет стал консулом (а также, заметим, не был эдилом). «С 88 г. методом Суллы стали военное насилие и жестокий террор, направленный против целых городов, общин и народов... а затем – проскрипции и конфискации» (с. 175). Если Сулле понадобилось два года тяжелой войны, чтобы овладеть Италией, то Цезарю она почти не оказала сопротивления.

¹⁹ Еремин А.В. Сенатская оппозиция при Сулле: вымысел или реальность? // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2002. С. 123–132.

²⁰ Смирин В.М. О политической позиции Цицерона в годы сулланской диктатуры. (Опыт разбора ранних речей) // ВДИ. 1958. №4. С. 96–103; *Buchheit V. Ciceros Kritik an Sulla in der Rede für Roscius aus Ameria* // *Historia*. 1975. 24. S. 570–591.

²¹ Еремин А.В. Сулланские проскрипции // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 2004. № 14. С. 69–78.

²² Ливий Тит. История Рима от основания Города. Т. III. С. 581.

²³ Ср. Егоров А.Б. Социально-политическая борьба в Риме в 80-е гг. I в. до н.э. (К истории диктатуры Суллы) // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л., 1989. С. 108–143.

²⁴ Он же. Сулла и Цезарь, две диктатуры (опыт сравнительного анализа) // Запад – Россия – Кавказ. Вып. 2. Москва – Ставрополь, 2003. С. 165–190.

«Основой сулланских реформ стало создание (? – *Авт.*) сильного сената» (с. 176), которому диктатор стремился подчинить все другие ветви власти. Законы Суллы оказались недолговечными, созданная им система сохранялась до гражданской войны 49–45 годов, но при этом характерно «отречение оптиматской традиции от самого диктатора. Делая героями и образцовыми римлянами Катугла и Метелла Пия, Лукулла и Помпея, она старалась дистанцироваться от самого создателя системы» (с. 176). Реформы Суллы не решали проблем, стоявших перед Римом, а «замораживали» их, тогда как реформы Цезаря «надолго определили жизнь римского государства» (с. 178). «Рим стал великим, отказавшись от законов Суллы, и был им до тех пор, пока жил по законам Цезаря» (с. 181), поскольку последний опирался на более широкие слои общества. Сулла сложил с себя не столько власть, сколько ответственность, взвалив ее «со свойственной ему циничной откровенностью... на свое окружение, которое позже ответило ему “заговором молчания”», а «итогом диктатуры Цезаря стал выход из внутреннего кризиса, масштабные преобразования и начавшийся экономический подъем. Однако, видимо, главным итогом стало создание системы военной и политической безопасности, определившей всю последующую жизнь Империи» (с. 182). Впоследствии Сулла «оказался слишком одиозен для этой роли... идеализация республики и идеализация ее создателя оказались мало совместимыми задачами, и диктатор прочно занял место жестокого тирана, уступив место “героев” деятелям своего окружения» (с. 183). Цезарь же стал «жертвой пропаганды с обеих сторон» – в имперской традиции его зачастую заслоняла фигура Августа, что восприняли и некоторые современные историки – Э. Майер, Р. Сайм, тогда как другие видели в нем властолюбивого тирана и ниспровергателя свободной республики. «На первый план выдвигалось то, что Цезарь захватил единоличную власть, при этом забывалось, зачем он это сделал» (с. 183–184).

Некоторые наблюдения Егорова (особенно о посмертном отречении сулланцев от своего вождя) заслуживают внимания, однако налицо явная идеализация Цезаря. Вряд ли всерьез можно говорить о создании «системы безопасности» – Риму давно уже ничто не угрожало извне. Требует доказательств тезис об «экономическом подъеме» как следствии диктатуры Цезаря. К тому же цезаревская система была замкнута на нем самом, она опиралась на личности, а не на институты, и гибель диктатора означала неизбежный хаос, каковой и начался после ид марта²⁵.

Другая статья Егорова посвящена «партии» Суллы²⁶. Сулланскую элиту, удерживавшую власть до 49 г., автор делит на четыре группы. К *первой* он относит клан Метеллов, к которому принадлежали, помимо носителей этого когномена, связанные с ними родственными узами Л. и М. Лукуллы, консулы 79 г. П. Сервилий Ватия и Ап. Клавдий Пульхр и др. Пик могущества Метеллов в послесулланскую эпоху пришелся на 80–68 годы, когда по меньшей мере 11 из 24 консулов оказались представителями этого клана. *Вторая* группировка – «консерваторы и оптиматы» (разница между этими терминами не вполне ясна). К ней отнесены идейно близкие Сулле Гн. Октавий, Кв. Лутаций Катул-младший, Мам. Эмилиус Лепид, а также «перебежчики» – Л. и Г. Валерий Флакк, Л. Марций Филипп. В 60–50-х годах консерваторы стали партией власти. Один из виднейших ее представителей, Катон Младший, мог даже позволить себе отречение от диктатора (сулланская республика без Суллы), но суть политики (никаких реформ!) оставалась прежней. Эта группировка (М. Кальпурний Бибул, Л. Домиций Агенобарб и др.), создававшаяся на идейной почве, со временем стала приобретать клановый характер. Особо выделяются фамилии Корнелиев Лентулов и Клавдиев Марцеллов. *Третья* группировку представляли собой военные, лидером которых был Помпей (к их числу странным образом отнесен и Красс). К старшему поколению сулланских офицеров автор относит Л. Лициния Мурену, Кв. Лукреция Офеллу (Афеллу), Г. Анния Луска, Л. Фуфидия и др., к младшему – П. Атия Вара, Г. Консидия Лонга, Д. Лелия и др. И наконец, *четвертая* группировка – «маргинальные и криминальные круги»: Л. Сергей Катилина, П. Корнелий Лентул Сура, Г. Антоний Гибрида. Именно они особенно много потеряли из-за смерти Суллы. Лишь единицы из их числа добились консулата. В итоге произошла консолидация маргинальных группировок, которые имели шансы на успех в случае «криминальной революции», но их участь была решена на заседании сената 5 декабря 63 г. «Этот внешне странный и даже противоестественный союз блистательной родовой аристократии и маргинального мира был вполне закономерен. Обе стороны противостояли большинству населения, видя в нем достойную презрения „толпу“, существовавшую лишь для удовлетворения их потребностей, играть с которой можно было без соблюдения каких-либо правил. И аристократы, и маргиналы сочетали ярко выраженный индивидуализм с жесткой иерархией, кастовостью и корпоративностью» (с. 150). Сулла, который и сам, по мнению Егорова, был маргиналом, сумел сделать то, «чего не удалось его

²⁵ См., например: *Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit.: Von Augustus bis Konstantin.* München, 1988. S. 61, 173, 174.

²⁶ *Егоров А.Б.* Партия Суллы: союз аристократов и маргиналов // *Studia historica.* Вып. VI. М., 2006. С. 128–151.

наследникам», соединив «клановую солидарность знати... с действиями сильной профессиональной армии и ее офицерского корпуса, а для «темных дел», репрессий и подавления в изобилии имелись маргинальные и криминальные силы. Именно этот союз смог подавить сопротивление практически всего населения Рима и Италии» (с. 151).

Подобное членение представляется не совсем удачным. Спорны сами его критерии: одна группа – клан Метеллов, другая – «оптиматы и консерваторы», третья – «военные», четвертая – «маргиналы». «Военный» Помпей в 81–80 г. женился на дочери Метеллы, супруги Суллы, от первого брака (член клана Метеллов) и как сторонник последнего вполне мог считаться оптиматом, относясь тем самым сразу к трем группам. Катилина, как и Оффелла, при Сулле мог быть отнесен к числу военных и оптиматов, а маргиналом стал позднее. Невозможно также согласиться с тезисом о шансах «криминальной революции» на успех, учитывая отсутствие у Катилины сколько-либо серьезной военной силы. Тем не менее статья привлекает внимание к важным вопросам, требующим дальнейшего изучения.

В статье К. Хачера, носящей историографический характер, рассматриваются проблемы, связанные с карьерой Суллы в 90-е годы, прежде всего – с датировкой его претуры и восточного командования²⁷. Это – обстоятельный обзор, начиная с известной статьи Э. Бэдиана и заканчивая первой половиной 1990-х годов, когда в оборот были введены новые свидетельства – стихи Сидония Аполлинария, что привело к новому всплеску интереса к проблеме²⁸.

П. Зиверт рассматривает еще более частный вопрос²⁹. Аппиан (BC. I. 99. 463–464) отмечает, что римляне после победы Суллы, когда греки считали 175-ю Олимпиаду, снова испробовали царскую власть. Таким образом, для него или его источника эта дата знаменует начало новой эпохи римской истории. В самой Олимпии переход к счету лет не по элладикам, а по олимпиадам произошел где-то в промежутке между 200 и 64 гг. (для последней даты такой счет впервые документирован). По мнению автора, началом такого счета в Олимпии может служить как раз 175-я Олимпиада – в пользу этого говорят две относящиеся к этому времени находки в Олимпии, на которых начертаны буквы ΡΟΕ = 175. Само это число могло носить магический, знаменательный характер, поскольку господство в Риме нового «царя» началось округленно через 700 лет после первой Олимпиады.

В статье Ф. Фадингера «Сулла как Imperator Felix и Эпафродит (=Любимец Афродиты)»³⁰ исследуется знаменитое прозвище Суллы, прежде всего его происхождение. За отправную точку принимается описание похорон Суллы у Плутарха (Sulla. 38. 2–4) и Аппиана (BC. I. 105–106). Поскольку в древности (как и ныне) масштаб траурной церемонии зависел от общественного и политического положения погребаемого, в случае с Суллой она выражает его исключительно привилегированное, монархическое положение в государстве. Такое харизматическое господство, подрывавшее конституцию республики, явно было благоприятным для получения почестей в качестве «нового Александра» и непобедимого солнечного божества с культовыми прозвищами Imperator Felix и Эпафродит, которые были отнесены к Сулле еще при жизни (с. 156). Среди прочего это подчеркивалось тем, что тело умершего диктатора в царском облачении покоилось на золотом ложе – деталь, чуждая римским традициям, которая должна навести на мысль о восточной обрядности, прежде всего – на сопоставление с ритуалом новогоднего празднества, во время которого, еще со времен Урука, справлялся «священный брак» небесной богини с пастухом-царем (с. 159 сл.). Этот ритуал, на протяжении веков сохранявшийся у народов Востока, был заимствован сначала греко-македонскими завоевателями, а затем римлянами; таким образом, как на земле, по мысли древних, ход истории определяется сменой мировых монархий, так на небесах этот процесс знаменует переходом власти от одной божественной пары к другой (с. 165 сл.). Сулла в итоге оказывается наследником долгой традиции – отраженные в его прозвище представления восходят в конечном счете к аккадскому *me-lám*; при наследовании монархий это понятие переводилось как иранское *xvarnah*, эллинистическое *θεῖα τύχη βασιλέως* и латинское *Fortuna/Felicitas*. Эпафродит значит то же самое, что в азиатских империях «любимец Иштар» – любимый супруг небесной госпожи Афродиты (лат. *Venus*) (с. 169–170). Культовым здесь является миф, при помощи которого римские политики еще с III в. до н.э.

²⁷ Hatcher C.R. Sullas Karriere in den Neunziger Jahren. Ansätze der Forschung (1830–1992) // *Hermes*. 2001. 129. 2. S. 208–223.

²⁸ См. обзор дискуссии с указанием на литературу, в том числе не учтенную Хачером: Смыков Е.В. Каппадокийская миссия Суллы: проблемы хронологии (историографический очерк) // *Studia historica*. Вып. VII. М., 2007. С. 93–106.

²⁹ Siwert P. Sulla und die 175. Olympiade (80 v.Chr.) bei Appian und in Olympia // *Aevum*. 2002. 76. 1. S. 77–79.

³⁰ Fadinger V. Sulla als Imperator Felix und «Epaphroditos» («Liebling der Aphrodite») // *Widerstand – Anpassung – Integration. Die Griechischen Staatenwelt und Rom* / Ed. L.-M. Günther, N. Ehrhardt. Stuttgart, 2002. S. 155–188.

доказывали право Рима на господство, — о происхождении римлян из Трои, от Энея, сына Анхиса и Афродиты. В 87 г. Сулла в борьбе с Митридатом — «новым Дионисом» — активировал этот миф. Венера в его пропаганде выступает в двух ипостасях — как *Venus Genetrix*, небесная прародительница римлян, и как богиня с мужской функцией *Venus Victrix*, божество войны и победы. В основе этих представлений прослеживается имперская теология азиатских владык. Афродита Урания остается тем, чем была с самого начала, — любовницей и любящей супругой победоносного царя-завоевателя и владыки мира (с. 176). Царские украшения и инсигнии, выставленные напоказ при погребении Суллы, — те же самые, которыми еще в религиозных представлениях Шумера Иннана наделяла своего божественного супруга (с. 177–178) и которые «являлись носителями блеска божественного счастья, должны были узаконить его как божественного властителя мира и Рима и передать ему властный потенциал царя богов Юпитера в его воинственной ипостаси проявления как солнечного бога Аполлона/Ареса/Марса» (с. 179). Как «любимец Афродиты» Сулла в его царском облачении и с царскими инсигниями мог при жизни рассматриваться как воплощение в человеке римского царя богов, причем современникам особенно легко было вообразить это во время его триумфа (с. 181–183). «Сулла основал первую в историческое время узаконенную богами власть царя-жреца в республике [...]». Происхождение обоих его культовых титулов, “*Felix*” и “*Eraphroditos*”, следует искать в сакральной царской власти древнейших мировых империй на земле Азии».

Следует отметить, что эта внешне стройная конструкция покинута на ряде весьма спорных допущений. Так, автор исходит из убежденности в монархическом характере устремлений Суллы. Однако нет доказательств, что тот в своей деятельности ориентировался на царскую власть вообще и монархию эллинистического типа в частности. Неубедительно выглядит мысль автора о заимствовании ритуала «священного брака» эллинистическими монархами. Во-первых, ни в одном источнике не говорится, что бракосочетание в Сузах было как-то связано с этим ритуалом (разумеется, не считая того, что «священный брак» был прообразом брака вообще) — слова Арриана «по персидскому обряду» толкуются здесь достаточно вольно. Сомнительно и утверждение, что этот ритуал сохраняли селевкидские цари, — данные о праздновании нового года во времена Селевкидов в Уруке по древнему ритуалу (с. 168) еще не означают, что этот ритуал был интегрирован греко-македонскими завоевателями в их собственную систему религиозных представлений. Тем менее вероятным кажется заимствование института «священного брака» римлянами — новгородные празднества в форме, сколь-нибудь близкой восточным ритуалам, были им чужды, а пережитки «священного брака» сохранялись разве что в отношениях фламينا и фламиники³¹. Вообще, религиозные представления, которые автор приписывает римлянам, довольно странны. Что такое, например, «Юпитер в его воинственной ипостаси как солнечного бога Аполлона/Ареса/Марса»?³² На чем основано важное с точки зрения концепции статьи заявление, что «Эпафродит» означает «любимый супруг Афродиты»? Слово *ἐπαφρόδιτος* не имеет и намека на значение «любимый супруг», указывая лишь на привлекательность или удачливость (не случайно так звали известного вольноотпущенника Нерона!). Так что все рассуждения автора о «священном браке», в котором Сулла якобы исполнял роль Анхиса, повисают в воздухе. Наконец, возникает впечатление, что автор предполагает наличие познаний на уровне современного востоковеда либо у самого Суллы, если обряд погребения определялся им в завещании, либо у тех граждан Рима, которые организовали его похороны. Как иначе объяснить то, что его погребение должно было вызвать такую сложную цепь ассоциаций и вызывать к столь отдаленному прошлому? В целом значение статьи Фадингера для исследований сулланской идеологии удачно определил Ф. Сантанджело, назвав ее «a misleading discussion»³³.

М. Гисборн посвятил свою статью роли образа царя (*royal imagery*) в деятельности Суллы³⁴. По мнению автора, использование Суллой разнообразных символов, включая царскую символику, знаменует поворотный пункт в представлениях римлян времени поздней Республики о себе. Римляне этого времени были знакомы, по крайней мере, с двумя типами царской власти: 1) со старинной римской и 2) с эллинистической. При этом не имеет значения то, что деятельность римских царей и, возможно, само их существование плод вымысла. Важна осознанная память об этих царях, какой она

³¹ См. *Шайд Дж.* Религия римлян. М., 2006. С. 244–245, 248.

³² Ср.: «Сфера его (Юпитера) влияния ограничивалась от сферы влияния Марса. Благодаря этому поведению верховная власть получает содержание и границы... Юпитер — верховный владыка, но только и всего» (*Шайд*. Ук. соч. С. 248–249).

³³ *Santangelo F.* Sulla, the Elites and the Empire. A Study of Roman Policies in Italy and the Greek East. Leiden — Boston, 2007. P. 210. Not. 34 (на интересную и содержательную монографию Ф. Сантанджело мы намерены написать отдельную рецензию).

³⁴ *Gisborne M.* A Curia of Kings: Sulla and Royal Imagery // *Imaginary Kings. Royal Images in the Ancient Near East, Greece and Rome* / Ed. O. Hekster, R. Fowler. München, 2005. P. 105–123.

была во времена Поздней республики (с. 106). Римляне считали их деятельность вполне реальной, запечатленной в виде памятников (Регия, храм Юпитера Наилучшего Величайшего и т.п.). Кроме того, зримые связи с римским царским периодом воплощали инсигнии римских магистратов, восходящие к царской символике римских царей. На наиболее базовом уровне римская царская власть ассоциировалась с римским прошлым, а эллинистическая – с настоящей царской властью, с которой Рим имел дело в период Поздней республики (с. 107). Римские политики и полководцы имели возможность для личных контактов и «живого» сопоставления с эллинистическими монархами во время посольств к их дворам и тех (правда, немногочисленных, но престижных) триумфов, в которых проводили побежденных царей. Встречи и контакты подобного рода увековечивались различными средствами, включая монеты и статуи.

Сулла имел дело со многими монархами – это были и цари, власть которых он восстанавливал (содействовал Марию в интронизации Гауды, возводил на трон Ариобарзана (дважды), Никомеда IV, Птолемея XI), и царь Парфии, с послом которого Оробазом он вел переговоры, и Митридат, с которым он встречался в Дардане. В двух последних случаях он занимает место рядом с царским, причем в центре. На монетах Фавста Суллы помещен выше царей Бокха и Югурты. Примечательно разнообразие средств, которыми распространялся этот образ: группа на Капитолии – для тех, кто туда поднимался; кольцо, которым Сулла запечатывал свои письма, – для социальной элиты; монета, которая имела гораздо более широкую «аудиторию» (с. 113).

Что касается ассоциаций с древнейшей римской царской властью, то они проявляются прежде всего в строительной деятельности Суллы. Конечно, он строил мало в сравнении с Цезарем или Августом – но больше, чем магистраты предшествующего времени, которые, как правило, осуществляли один большой строительный проект. Среди работ, которые должны были напомнить о римских царях, автор называет реконструкцию Гостилиевой курии, перенос померия, что в последний раз до него делал Сервий Туллий, помещение собственной конной статуи близ *lapis niger*, предполагаемого места погребения Ромула. Замечателен, по мысли автора, и выбор Суллой места для гробницы: она была расположена неподалеку от *villa publica*, где триумфатор проводил ночь накануне своего триумфа. Таким образом, Сулла связывал свое имя и с началом триумфа (близость могилы к *villa publica*), и с его завершением (строительство на Форуме). Кроме того, Марсово поле было местом апофеоза Ромула – вновь Сулла использовал ассоциации с его именем. Даже в избиении 6000 пленных, антемнатов, можно усмотреть намеки на Ромула – именно за победу над ними тот отпраздновал свой первый триумф. (На деле убили не антемнатов, а самнитов, сдавшихся под Антемной.)

Несмотря на различные аллюзии на царскую власть, едва ли Сулла видел себя царем в реальности. В лучшем случае мы можем сказать, что при личных встречах с царями он представлял себя как их главу, а в самом Риме время от времени действовал, как казалося, подобно римскому царю. Но Сулла не принял титула царя и не заигрывал с ним, хотя и допускал некоторые экстраординарные жесты (с. 121–122). Символика, которую использовал Сулла, была парадоксальной – она превращала личность, чье господство основывалось на военной силе, в того, чье преобладание обуславливалось божественной благодатью. Эта позиция была совершенно аномальной для того, кто реставрировал правление сената. В конечном счете Сулла стремился лишь подражать *dignitas* предков и превзойти в этом качестве современников. По мнению автора, для того чтобы осуществить это, требовалась не авторитарная власть, а только монополия на символы власти.

В 2006 г. в сборнике «Античная тирания» была опубликована статья А. Тейна «Сулла – “слабый” тиран»³⁵, в целом посвященная его образу в античной традиции. Автор проводит интересное сравнение: как Тиберий у Тацита предсказывает перед смертью гибель младших родственников (Ann. VI. 46. 5), не в силах ее предотвратить, так и Сулла у Аппиана предрекает, что следующий, кто захватит верховную власть в Риме, не откажется от нее, как сделал это он сам (BC. I. 104. 486–487) – и тоже не может ничего изменить. Это «пророчество» свидетельствует о том, что на рубеже I–II вв. н.э. Суллу начинают рассматривать как предшественника императоров, неизбежность единовластия которых он и предсказывает. Сравнивая представления о его власти у Цицерона, Саллюстия и Аппиана, автор приходит к выводу, что в целом они сходны – стратегия Суллы основывалась на разделении обездоленных и обогатившихся в результате гражданской войны, на их страхе друг перед другом и отсутствии чувства безопасности, но Аппиан лучше осознавал внутреннюю слабость режима Суллы (с. 243–246). «Исторический Сулла может считаться “сильным” правителем только в том случае, если мы сумеем доказать, что он мог эффективно использовать широкие полномочия диктатора и свою огромную *auctoritas* как победителя в гражданской войне. Но это не всегда было так» – достаточно вспомнить, как центуриатные комиции отказались утвердить лишение гражданских прав жителей Волатерр, чего он добивался. Не свидетельствуют о силе последнего и его слова о том, что

³⁵ *Thein A. Sulla the Weak Tyrant // Ancient Tyranny / Ed. S. Lewis. Edinburgh, 2006. P. 238–249.*

одной из самых больших удач оказалось для него отсутствие разногласий с Метеллом Пием во время их совместного консулата (Plut. Sulla. 6.9). «The politics of the Sullan period did not revolve around Sulla», – заключает автор (с. 247). И хотя в правильности этого утверждения позволительно усомниться, тем более что оно вообще довольно неконкретно и риторично, нельзя не признать тонкости ряда наблюдений Тейна.

С. Марастони рассмотрела сведения источников об «общении» Суллы с Ма-Беллоной. Богиня является ему во сне перед взятием Рима в 88 г., передавая ему молнии и называя его врагов по имени, которые после этого падают, сраженные. Автор отмечает, что этрусские жрецы выделяли 12 видов молний, а Сулла объявил в 88 г. врагами как раз 12 человек, причем число это приводится лишь в просулланской традиции. Во время второго марша на Рим в 83 г. к Сулле явился некий раб, который от имени богини советовал ему поторопиться; предостережение сбылось – 6 июля сорвал храм Юпитера Капитолийского, но благоволение Беллоны Сулле в любом случае налично. Вполне возможно, что просулланская традиция связывала пожар на Капитолии с молнией богини. Все это укладывается в рамки *Etrusca disciplina*, тем более что часть этрусков Суллу поддерживала, и знатоки prodigia из их числа вполне могли дать нужное толкование соответствующих знамений³⁶.

Э. Драммонд рассмотрел вопрос о запретах для gentiles занимать некоторые жреческие должности и авгураге Суллы в этом контексте³⁷. Об этом запрете упоминает Дион Кассий при описании событий 57 г. (XXXIX. 17. 1–2). Известно, что в начале 80-х годов авгуром был Л. Корнелий Сципион, а Сулла позднее на монетах чеканил авгурские символы. Отсюда некоторые ученые сделали вывод, что Сципион лишился жреческой должности, став в проскриптом в 82 г., а Сулла занял его место, чему раньше препятствовала его принадлежность к одному gens со Сципионом³⁸. Однако, как убедительно показывает Драммонд, упомянутый запрет появился скорее всего на волне антиолигархического движения конца 60-х годов, и Сулла вполне мог быть авгуром одновременно со Сципионом. Не исключено, правда, что авгурские символы при этом не просто указывали на членство Суллы в этой коллегии, но и служили знаком престижа и особых отношений с populus Romanus. Позднее эта символика получила распространение в пропаганде 40–30-х годов.

Стоит упомянуть некоторые работы, посвященные источниковедческим проблемам. В 2001 г. в Милане вышло в свет комментированное издание Плутарховых «Лисандра» и «Суллы» с итальянским переводом. Предисловие к жизнеописанию диктатора написал А. Кивни³⁹. Признавая, что в основе биографии Суллы лежат мемуары последнего, в одних случаях названные прямо, а в других определенно подразумеваемые, ученый предполагает, что даже рассказ о диктатуре (гл. 30–35) в целом опирается на тот же источник, но различные анекдоты могли заимствоваться из иных сочинений, а неодобрительный тон повествования определяется позицией самого Плутарха. (Думается, однако, что в указанных главах очень мало сведений, которые могли бы восходить к запискам диктатора – разве что его триумф и pollucta для жителей Рима, чего вряд ли достаточно, чтобы считать мемуары Суллы основой для этого раздела биографии.) Своему главному источнику Плутарх доверяет⁴⁰, и это позволяет предполагать на основе сочинения характер самих воспоминаний. Важнейшую роль в них играл и мотив самозащиты – Сулла лишь оборонялся от врагов – и убежденность его в собственной felicitas. Помимо мемуаров диктатора Плутарх использовал в этой биографии данные Ливия, Юбы, Страбона, Фенестеллы, Лукулла. Однако характер цитат позволяет думать, что писатель читал их труды не целиком, а лишь выяснял детали.

В силу своих писательских установок Плутарх обычно рассказывает о том, что произошло с его героями уже в зрелом возрасте. Это мы наблюдаем и в случае Суллы. Подробнее он описывает Митридатovu и гражданскую войны, наиболее важные для характеристики его личности, а также диктатуру, лишь очень кратко останавливаясь на войнах с Югуртой, кимврами, киликийцами и италийцами. Причем читатель подчас вводится в самую гущу событий без предварительных объяснений,

³⁶ Marastoni S. Fulminare i nemici: Silla, Postumio a l'ars fulguratoria // Klio. 2008. 90. 2. P. 323–333.

³⁷ Drummond A. The Ban on Gentiles Holding the Same Priesthood and Sulla's Augurate) // Historia. 2008. 57. 4. P. 367–407.

³⁸ Той же точки зрения придерживается и один из авторов данной работы: Короленков А.В. Луций Корнелий Сципион: консул, дважды покинутый войском // Studia historica. Вып. VII. М., 2007. С. 120.

³⁹ Keaveney A. Introduzione [alla biografia di Silla] // Plutarco. Vite parallele. Lisandro. Silla. Milano, 2001. P. 247–274.

⁴⁰ Не всегда: в 5. 3 Плутарх отвергает одну из версий Суллы, говоря, что сами события изобличают его.

как то мы видим при описании Югуртинской и Кимврской войн. Недостаточный в силу специфики биографического жанра интерес к итальянскому вопросу приводит к тому, что в качестве причины гражданской войны выступают скорее действия Сулпиция, чем проблема гражданских прав для итальянцев. Не совсем верно, по мнению Кивни, описываются отношения Суллы с воинами – они любили его не из-за того, что полководец прощал им нарушения дисциплины, а в силу магнетизма его личности и умения быть суровым и снисходительным в зависимости от ситуации.

При описании Митридатовой войны Плутарх, с одной стороны, опирается на мемуары Суллы, а с другой, в ней особое внимание уделено греческим реалиям – монументу Суллы под Херонеей, местной топографии. Плутарх намного подробнее описывает осаду Афин, чем операции по захвату куда более важного в стратегическом отношении Пирея, ибо Афины даже в пору своего заката оставались желанной целью для Суллы. Биография диктатора богата материалом религиозного характера – описаниями снов, пророчеств, знамений (особенно в рассказе о событиях 88 г.), что сближает Плутарха с большинством античных авторов, но приводит в смущение многих современных ученых. «Однако при любом подходе к таким рассказам мы должны сознавать, что большинство древних очень серьезно относилось к предсказаниям и предзнаменованиям, и так же следует поступать нам, если мы хотим понять их» (с. 271), т.е., очевидно, взглянуть на пророчества и знаки свыше глазами древних. В конечном счете, заключает Кивни, несмотря на свои недостатки, сочинения Плутарха остаются важнейшим источником, но для правильного понимания херонейского писателя и его намерений необходимо сопоставление с иными материалами.

В 2005 г. вышла в свет статья покойного Х.М. Алонсо-Нуньеса «Автобиография Суллы», носящая в целом справочный характер⁴¹. Автор приводит краткую сводку данных о жизни последнего (ошибочно приписывая ему пребывание на Сицилии в 93–92 гг.) и указывает на важное влияние его диктатуры, целью которой было восстановление власти нобилитета, на политическую жизнь Рима. Предшественниками Суллы-мемуариста ученый называет главу Ахейского союза Арата, который назвал свой труд Ὑπομνήματα (так же называются у греческих авторов воспоминания диктатора), а среди римлян – Рутилия Руфа, Эмилия Скавра и Лутация Катула. По мнению Алонсо-Нуньеса, записки Суллы, оказавшие большое влияние на римскую литературу, были написаны по-латински и назывались *Res gestae*, но возможно и существование греческого варианта⁴². Воспоминания Суллы использовали Саллюстий, Корнелий Непот, Ливий, Плутарх, Аппиан, Дион Кассий и другие писатели.

Т. Дийкстра и В. Паркер рассматривают вопрос о взгляде Саллюстия на роль Суллы в завершении Югуртинской войны⁴³. Они указывают, что уже в I в. до н.э. по этому поводу шли споры, нашедшие отражение в более поздней традиции. Так, у Плутарха, опиравшегося, видимо, на мемуары диктатора, заслуга пленения царя и тем самым прекращения войны принадлежит целиком Сулле. У про-сулланских авторов также умалчивается о том, что война в сущности закончилась еще до выдачи Югурты. У Диодора и Аппиана роль Луция Корнелия сведена к «орудийной» функции – он просто забирает Югурту, о выдаче которого Марий и Бокх уже договорились, а у Диона Кассия о Сулле и вовсе не упоминается. Саллюстий ближе к первой традиции, уделяя много места роли будущего диктатора и считая выдачу царя окончанием войны. В то же время *Bellum Iugurthinum* заканчивается триумфом Мария. Но последний добивается успеха исключительно благодаря военным дарованиям, тогда как Сулла действует скорее красноречием (типичная «добродетель» нобили у Саллюстия) и хитростью – качествами, отсутствующими у арпината, который в «Югуртинской войне» вообще не пытается добиться выдачи царя. Суть в том, что именно эти качества впоследствии помогли Сулле победить в гражданской войне. Речь, таким образом, не о высокой оценке его дипломатии, а о предвещии недалекого будущего.

Весьма специфическому источнику – скульптурным изображениям Суллы – посвящена статья Ф.М. Строки⁴⁴. Автор особо останавливается на так называемом копенгагенском портрете диктатора, который, по его мнению, особенно ярко отражает черты характера Суллы. Перед нами предстает человек, вызывающий восхищение и ужас одновременно, и вспоминается его самохарактеристика – никто не сделал столько добра друзьям и зла врагам. При этом автор-искусствовед не всегда владеет

⁴¹ Alonzo-Núñez J.M. La autobiografía de Sila // ACD. T. XL–XLI. 2004–2005. P. 95–107.

⁴² Думается, что написаны мемуары были как раз по-гречески и лишь позднее переведены на латынь (см. Короленков А.В. Мемуары Суллы как памятник межкультурной коммуникации // Историческое знание: исторические основания и коммуникативные практики. М., 2006. С. 377–378), но в целом замечание испанского ученого представляется весьма важным.

⁴³ Dijkstra T., Parker V. Through Many Glasses Darkly: Sulla and the End of the Jugurthine War // Wiener Studien. 2007. Bd 120. P. 137–160.

⁴⁴ Strocka F.M. Bildnisse des Lucius Cornelius Sulla Felix // MDAI(R). 2003. 110. S. 7–36.

собственно историческим материалом – например, утверждается, что в 65 г. Цезарь восстановил статую Суллы, возведенную Бокхом и снесенную марианцами, хотя на деле Цезарь, как считалось, восстановил памятники побед Мария (Plut. Caes. 5. 2–3; Suet. Iul. 11).

Наконец, в 2008 г. вышел в свет сборник статей Ф. Инара⁴⁵. Автор подчеркивает значимость иконографических и эпиграфических свидетельств, подчас серьезно дополняющих нарративную традицию. Что же касается последней, то он разделяет взгляд на тексты Плутарха как «антиисторические», а изображение Аппианом первой гражданской войны, по его мнению, мало отличается от карикатуры. (Как представляется, столь суровая оценка обоих писателей обусловлена не только их не всегда верным изображением событий, но и обилием у них фактов, «неудобных» для Суллы – любимого героя Инара.) Рассматривая события 88 г., французский историк доказывает, что решение взять Рим было принято не лично Суллой, а группой представителей элиты, стремившихся защитить прерогативы консульской власти, нарушенные принятием законов Сульпиция. При этом Инар возвращается к теме дихотомии между греческими и латинскими авторами, что представляется не лишенным смысла.

Обращаясь к вопросу о диктатуре Суллы, автор отмечает, что здесь нашей опорой остается, несмотря на все свои недостатки, Аппиан. Ученый считает, что назначение интеррекса в 82 г. было естественным в условиях гражданской смуты и гибели двух консулов, а восстановление диктатуры современники восприняли, по его мнению, как ожидаемый и логичный шаг. Вопрос о титулатуре Суллы как диктатора Инар считает ложным, полагая, что он является порождением преувеличенного доверия к Аппиану. По мнению автора, диктатор сложил свои полномочия через шесть месяцев по вступлении в должность, т.е. в июне 81 г., что, впрочем, доказать невозможно. Особое внимание уделено расширению померия Суллой. Этот акт, полагает Инар, необходимо рассматривать скорее в контексте распространения *ius Romanum* на долину По, нежели побед на Востоке. (Тезис спорный, ибо это противоречило консервативным установкам Суллы; скорее речь шла о стремлении подчеркнуть значимость проведенных преобразований, которые можно было приравнять к новому основанию Города, и величия самого реформатора.) При этом степень включения италийской элиты в сенат остается неясной из-за неполноты источников.

Автор отвергает распространенную точку зрения на речь «В защиту Росция Америкейского» как атаку Цицерона на Суллу – скорее речь шла о стремлении завоевать благосклонность умеренных кругов нобилитета и всадничества. (Как представляется, противоречия тут нет – первое могло быть частью второго, хотя акценты у Инара расставлены более корректно, чем это нередко делается.) Автор показывает, что Хрисогон был менее влиятельной фигурой, нежели часто думают. Анализируя закон Плавтия, позволивший вернуться изгнанникам, и вопрос о правах детей проскриптов, которым *lex Plautia* позволил вернуться из изгнания, Инар пришел к выводу, что последние получили право голосования, но не выступления в суде в качестве обвинителей – тем самым они лишались возможности дестабилизировать внутриполитическую обстановку. В заключение автор пишет, что не приходится говорить о Сулле как о загадке, ибо его цели могут быть реконструированы вполне определенно. Сулла – *exemplum* политика, способного по-разному реагировать на критические ситуации. Различное отношение вызывал и его образ спустя десятилетия, и важно избежать узкого взгляда на его личность, обусловленного сравнением его диктатуры с тем, что мы знаем о диктатуре Цезаря. Признавая неординарность и тонкость многих наблюдений и выводов Инара, отметим все же, что объективность не означает оправдания «своего» героя любой ценой, а налицо именно такая попытка.

В заключение отметим, что при обилии публикаций о Сулле и связанных с ним проблемах далеко не во всех из них можно встретить новые научно обоснованные идеи. Тем не менее, как показывают некоторые из рассмотренных работ, в исследовании данной проблематики вполне возможен прогресс, каковой, полагаем, будет иметь место и в дальнейшем.

А.В. Короленков, Е.В. Смыков

⁴⁵ *Hinard F. SVLLANA VARIA. Aux sources de la première guerre civile romaine. De l'archéologie à l'histoire. P., 2008. 168 p.* Книга пока нам недоступна, и мы опирались на рецензию: *Bryn Mawr Classical Review. 2009. 03. 25.*